

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСК В ПРОЕКТЕ «100 СИМВОЛОВ КАРЕЛИИ»: КОНСТРУИРОВАНИЕ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА

А н н о т а ц и я . На основе выявления в материалах проекта «100 символов Карелии» устойчивых вербально-смысловых образований, соотносимых с карельской столицей, воссоздается образ Петрозаводска. Актуальность исследования связана с попыткой осмысления проблем, сопряженных с конструированием образа столицы Карелии в публичном пространстве и формированием локальной идентичности, что поможет выявить перспективные направления развития Петрозаводска. Город рассматривается как социокультурный конструкт, в создании которого участвуют не только СМИ, но и представители различных слоев регионального сообщества. Показано, что пространственная идентификация и репрезентация образа Петрозаводска заняли в проекте весьма достойное место. Образ города, транслируемый в проекте, можно охарактеризовать как конвенциональный. Он базируется на нескольких основных семиотических коллизиях и характеристиках, таких как «столица (центр края)» / «провинция», «город» / «деревня», «культура» / «природа»; северная сдержанность в архитектурных решениях, камерность, плотность коммуникативного поля, чистота, «европейскость», в частности финский «флер», и др. Отмечается, что образ города показан в проекте в динамике, и противопоставление образов города в прошлом и настоящем проходит прежде всего по линии «промышленный – культурный», а также «деревня – настоящий, современный город». В связи с задачей брендинга территории в проекте делается акцент на уникальных чертах города и его лидерстве в разных сферах. В выводах намечаются отдельные перспективы, связанные с конструированием притягательного имиджа Петрозаводска, способствующего развитию его туристического потенциала: акцент на карельский и севернорусский колорит, а также популяризация новых культурных пространств и «изнаночной стороны» города. В связи с логикой развития города важным представляется также продвижение Петрозаводска как научно-образовательного центра.

К л ю ч е в ы е с л о в а : городская антропология, образ города, Петрозаводск, локальная идентичность, брендинг территории

Б л а г о д а р н о с т и . Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Бауэр Т. В. Петрозаводск в проекте «100 символов Карелии»: конструирование и репрезентация образа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 2. С. 38–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1278

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на несколько критическое отношение к понятию «пространственный поворот», имеющему скорее метафорическое значение, нельзя не согласиться с позицией исследователей, утверждающих, что в социогуманитарных науках начиная с 1970-х годов не только растет

количество публикаций, уделяющих внимание пространству при изучении различных социальных феноменов, но и меняются подходы к пониманию данной категории, в частности наблюдается сдвиг в сторону признания внутренней сложности пространства [5]. В фокусе внимания оказывается и связанное с пространством поня-

тие локальной идентичности, которое в рамках данной статьи трактуется вслед за А. Мюллером и М. Шаде как отношение к месту, чувство принадлежности к нему. Анализируя роль символов в формировании идентичности на примере немецкого города Бремен, авторы сосредотачиваются на функциональных аспектах идентичности, рассматривая ее как основу для брендинга территории [21]. Подобный практический подход представляется весьма уместным в отношении Петрозаводска как провинциального города, столицы региона, который в период работы над проектом «100 символов Карелии» входил в число депрессивных субъектов Российской Федерации, одной из основных болевых точек которого до сих пор является проблема депопуляции, в связи с чем город нуждается не только в продвижении среди внешних целевых групп, но и в дополнительных стимулах формирования локальной идентичности, выполняющей внутри сообщества интегрирующую, стабилизирующую и мотивационную функции.

Город рассматривается нами как социокультурный конструкт, в создании которого участвуют не только СМИ, но и представители различных слоев регионального сообщества, включая простых жителей. Идея о конструируемости места имеет длительную исследовательскую традицию, что демонстрирует, в частности, обзор работ, проведенный И. И. Митиным [16: 68–73]. В соответствии с данной традицией место и, в частности, город трактуется как «осмысленный и означенный участок пространства», конструируемый «посредством репрезентаций (образов, мифов, идентичностей)» [4: 35–36].

Особую значимость в контексте нашего исследования имеют также идеи Ю. М. Лотмана о полисемантической и противоречивости образа любого города, что обусловлено «семиотическ[им] полиглотизм[ом]», то есть смешением гетерогенных и разноустроенных текстов и кодов, состыковка которых порождает «разнообразные гибридизации, перекодировки и семиотические переводы», при этом «синхронное соположение разнородных семиотических образований» осложняется диахронной изменчивостью, и «прошлое <...> получает возможность соположаться с настоящим», находя отражение в планировке города, архитектуре, городской топонимике, обрядности и т. п. [14: 35–36]. С этими идеями перекликается и осмысление города как палимпсеста, то есть

«многослойной структуры, подчеркивающей существование множественных слоев (“реальностей”) в результате воздействия различных культур на культурный ландшафт» [15: 113],

что влечет за собой противоречивость образов и смыслов.

Несмотря на устойчивый интерес, демонстрируемый специалистами в отношении провинциальных городов как объектов изучения в рамках социогуманитарных наук, проблемы формирования городской идентичности, а также конструирования и репрезентации образов городов, расположенных на территории Республики Карелии, крайне редко оказывались в фокусе внимания исследователей. Счастливым исключением является статья И. А. Разумовой, посвященная реконструкции образа Петрозаводска на материалах литературных и устных текстов [17], а также работа коллектива исследователей Карельского научного центра РАН, предметом которой является идентичность жителей таких арктических моногородов, как Костомукша и Сегежа [9]. Стоит также отметить, что существуют многочисленные исследования образов северных городов арктической и субарктической зон за пределами Карелии [1], [2], [3], [6], [7], [8], [10], [11], [18], [19], [20] и др.

Целью нашего исследования является воссоздание образа Петрозаводска, представленного в проекте «100 символов Карелии». Для достижения данной цели в материалах проекта выявлялись устойчивые вербально-смысловые образования, соотносимые с образом карельской столицы. Лексемами-ориентирами, позволяющими выявить ключевые характеристики города в материалах проекта, являлись топонимы *Петрозаводск*, *Петровская слобода*, а также катойконим *петрозаводчане* и прилагательное *петрозаводский*.

Представляется, что осмысление проблем, связанных с конструированием и репрезентацией образа карельской столицы в публичном пространстве и формированием локальной идентичности, поможет понять логику развития города как сложной социокультурной системы, выявить перспективные направления этого развития и при необходимости пересмотреть некоторые положения, скорректировав их с учетом текущей ситуации. В перспективе важно также понимать, соответствует ли политика идентичности потребностям локального сообщества на современном этапе.

Переходя к характеристике источниковой базы исследования, стоит отметить, что инерция сакрального числа, символизирующего подведение итогов столетия, послужила стимулом к созданию ряда культурно-просветительских программ, одной из которых стал проект «100 символов Карелии», инициированный информационным агентством «Республика Карелия» в феврале 2019 года. Его результаты воплотились в репортажах, показанных на телеканале

«Сампо ТВ 360°», опубликованных на сайте «Республика» и на страницах общественно-политической газеты «Карелия», то есть проект предусматривал максимально возможный охват аудитории, прежде всего с ориентацией на региональное сообщество. Кроме того, данная инициатива предполагала активное участие в ней жителей республики, которых редакция привлекала к конструированию образа Карелии на этапе формирования перечня символов через обсуждение проекта в социальной сети «ВКонтакте». Примерные рамки этого перечня были заданы редакцией: «Люди, места, события, природа, кухня, традиции – всё, чем мы с вами гордимся, что мы ценим, что мы хотим сохранить. Всё, о чем, по вашему мнению, стоит рассказать»¹. Уже из данного списка понятно, что пространственная идентификация должна была занять в проекте весьма достойное место, что подтвердили результаты проведенного И. Г. Лиманом и Е. Н. Шестаковой исследования. Авторы на основе представленных в репортажах символов выделили 12 смысловых групп и определили, что «Места» по частоте упоминаний в списке символов оказываются на четвертом месте, наряду с «Видами деятельности» [13: 317–318].

* * *

Петрозаводск не становится в проекте предметом специального репортажа, что вполне понятно в силу широты подобной темы, однако он упоминается в подавляющем большинстве статей, и его образ воссоздается на материале ряда репортажей, посвященных прежде всего расположенным на его территории объектам, а также знаковым личностям, внесшим вклад в развитие города. По количеству упоминаний в сравнении с другими городами Карелии Петрозаводск занимает лидирующее положение, причем с большим отрывом.

Образ города, транслируемый в проекте, базируется на нескольких традиционных семиотических коллизиях, нашедших отражение в устных текстах и литературе, таких как «столица (центр края)» / «провинция», «город» / «деревня», «культура» / «природа» [17: 324]. Однако отдельные характеристики особым образом преломляются в рамках проекта и приобретают определенную специфику либо нивелируются. Представляет интерес, как и в связи с чем при формировании образа карельской столицы расставляются акценты в рамках проекта, с одной стороны, подводящего итоги столетия республики, а с другой – намечающего перспективы ее развития.

В проекте подчеркивается, что на протяжении трехсотлетней истории образ города меня-

ется и определяет его доминирующая сфера развития. Противопоставление в рамках оппозиции «прошлое – настоящее» проходит по линии «промышленный – культурный». Образ Петрозаводска XVIII века (изначально Петровской слободы), транслируемый в проекте, – это «место, где ковалась слава Российской империи». Данная метафора неслучайна: образ поселения в этот период представлен сквозь призму истории «дав[его] городу имя» Петровского (позднее Александровского) завода, специализировавшегося на выпуске пушек и снарядов – продукции, которая стала основой победы в Северной войне и последующих военных кампаниях: «На пушках Петровского завода стоит не то что слава Российской империи, а сама империя»; «Петрозаводск делал замечательные пушки, благодаря которым Россия побеждала».

Уникальность города, фиксируемая в лексеме «единственный», подчеркивается уже на уровне этимологии топонима: «Петрозаводск – единственный в России город, названный в честь Петра Первого».

Стоит отметить, что при описании образа города используется прием антропоморфизации, и в символической анатомии Петрозаводска завод / заводской молот выполняет функцию сердца, главного органа, задающего ритм городской жизни:

«...в XIX веке <...> двигателем жизни в городе был Александровский пушечный завод» – «...сердц[е] промышленного края²»; «...сердце Петрозаводска – заводской молот, отбивающий новый ритм жизни».

Промышленный статус города сохраняется и в советский период, а завод становится «одной из главных опор карельской экономики». Первостепенную важность данной сферы в одном из нереализованных проектов планировки центра послевоенного Петрозаводска предполагалось символически подчеркнуть за счет ориентации фасада Дома правительства – центрального здания, расположенного на пл. Кирова, «в сторону Зареки – района, который был самым перспективным для развития города». В проекте озвучиваются планы развития промышленного потенциала Петрозаводска. Так, возрождение былой славы Онежского завода связывается с инвестором из Беларуси, причем подчеркивается преимущество в сотрудничестве двух городов – Петрозаводска и Минска, из которого «так же, как 63 года назад <...> пришли оборудование, люди и технологии, позволившие создать один из крупнейших в мире тракторных заводов»³.

Именно наличие градообразующего предприятия изначально придавало городу особую зна-

чимось, нивелируя его провинциальность: «Благодаря заводу Екатерина считала Петрозаводск не просто провинциальным городишком, которым он в то время был, а настоящим городом». Кроме того, завод позиционируется как уникальное предприятие, где работали «сливки европейской металлургии».

Как отмечает И. А. Разумова,

«обычно провинциальный город избирает себе ориентир и образец в виде столичного или более крупного (нередко – иноземного) города. Для Петрозаводска таковым со дня основания являлся Петербург» [17: 328].

В проекте делается акцент на том, что изначальные параллели с будущей столицей России подчеркивались за счет архитектурных решений, что обеспечивало осмысление Петрозаводска как уменьшенной копии северной столицы, «маленьк[ого] Петербург[а] на берегах Онего»: более компактная фортеция становится «младш[им] брат[ом] Петропавловки», так как очертаниями напоминает крепость на Заячьем острове, деревянный собор Петрозаводска уподобляется первому деревянному храму Петербурга, а дворец Петра I строится «похожим на дом шведского сановника Конау, в котором в первые годы после основания Петербурга поселился Петр I». Все это автоматически повышало статус будущего города и края в целом, служило формой своеобразной компенсации: «...что есть в имперской столице, то есть и в провинции <...>. Это, конечно, повышает реноме – уже и не провинция у нас». Стоит отметить, что проекцию петербургского мифа на Петрозаводск Т. В. Клубкова и П. А. Клубков связывают с «административной умышленностью» города, то есть приданием поселению статуса города по воле правительства и в связи с административной надобностью [12: 26]. При этом экстраполяция монументальных столичных объектов, как и в целом строительство крупногабаритных зданий, за исключением правительственных, с учетом компактности Петрозаводска воспринимались как неуместные:

«Были и другие проекты, один из них предложил знаменитый Монферран, который в то время как раз соорудил Исаакиевский собор <...>. Но этот проект не прошел: посчитали, что для Петрозаводска такой храм будет слишком большим, дорогим и пышным»; «...даже в центральных районах Петрозаводска не следует создавать обширных площадей с застройкой крупными зданиями. Это было бы немасштабно для Петрозаводска. Лишь отдельные центральные правительственные и общественные здания своей монументальностью должны создавать достойную республиканской столицы представительность».

Подобные тексты призваны подчеркнуть свойственную северянам сдержанность в архитектурных решениях и такое качество Петрозаводска,

как камерность. Стоит отметить, что параллели с северной столицей в репортажах встречаются гораздо чаще, нежели с Москвой. Редким примером упоминаемой проекции московской архитектуры на «тело» нашего города является Святодуховский собор, построенный «по типовому проекту архитектора Константина Тона» и фактически являвшийся «уменьшенной копией московского храма Христа Спасителя». Кроме того, в архитектуре Петрозаводска воплощаются и античные идеалы. Так, аллюзией к античной архитектуре, по замыслу скульптора Сергея Коненкова, является здание Музыкального театра:

«...свою мечту я осуществил в Петрозаводске, работая над скульптурным оформлением здания республиканского музыкального театра. Не раз в эти дни я воскрешал в своей памяти безупречный афинский Парфенон как образец синтеза архитектуры и скульптуры».

Провинциальность города, как правило, приобретает в проекте позитивные коннотации либо воспринимается нейтрально, в то время как в литературных и особенно в устных текстах эта свойственная Петрозаводску черта может оцениваться в том числе и негативно, демонстрируя провинциальную точку зрения с акцентом на «скудость существования» [17: 329]. С опорой на устные тексты данная характеристика в проекте осмысливается в ироничном ключе:

«С середины 1970-х стало ухудшаться обеспечение мясо-молочными продуктами. Поезд Петрозаводск – Ленинград в народе начали называть “колбасным”: на нем ездили в Северную столицу за продуктами».

Имеет место и идеализация как самого города, так и жизни в республике в целом, представленная сквозь призму художественного творчества, то есть фокус внимания в проекте смещается с мотива «скудости существования» на мотив удовлетворенности жизнью:

«Уж и прекрасен же городок Петрозаводск / на красивом берегу озера Онего. / Люди в Карелии хорошо живут, / жизнью всегда довольны» (куплет из песни «Peetroskoi» карельской фолк-рок-группы «Myllärit», ставшей «...главным саундтреком конца двадцатого века в Карелии»).

При сопоставлении со столицей отсутствие широкого спектра рекреационных услуг компенсируется блестящими возможностями для реализации аффилиативных потребностей, в сравнении с которыми коммерциализированный досуг отстает на второй план: «Да, Петрозаводск – не Москва. Там – индустрия развлечений, здесь – роскошь человеческого общения». Хотя столичный статус города «подтачивают» его небольшие размеры («Петрозаводск – респу-

бликанский центр, но город он небольшой)), в сопутствующей противопоставлению столицы и провинции оппозиции «малый – большой» «малое» также осмысливается в позитивном ключе: «Всё маленькое, всё родное», причем именно компактность города обеспечивает плотность коммуникативного поля: «От своего дома на Первомайке до театра на Кирова я доходил за полчаса. <...> Пока идешь, всех встретишь, все новости узнаешь, всех на спектакль пригласишь».

Провинциальный город, возникший на месте мельницы и рыбацкой хижины, тих и немногочислен, его жизнь вообще может замирать, особенно в определенные временные промежутки суточного цикла, в связи с чем в отношении его употребляется эпитет «сонный», в нем даже в послевоенные годы преобладают деревянные дома, дороги не асфальтированы, что в оппозиции «город – деревня» соотносимо с образом последней, кроме того, присутствуют и другие атрибуты деревенской жизни, в частности огороды, домашний скот: при Марке Пименове

«...губернск[ая] столиц[а] <...> была застроена в основном деревянными домами»; о послевоенном Петрозаводске: «Наш дом построили немецкие военнопленные, вокруг него были другие двухэтажные маленькие домики <...>. Вокруг домов – частные огороды. <...>. Здесь долгое время не было асфальта – настоящая деревня».

Присущие Петрозаводску «деревенские» характеристики часто отражают предполагаемую или реальную точку зрения людей, имевших опыт жизни в большом городе, и подразумевают контрастность восприятия:

«Представьте себе жизнь в Петрозаводске после блистательного Эдинбурга <...>. Да, город уже девять лет как губернская столица. Но... всего 3200 жителей. Сонный, заснеженный, домишки деревянные»; «Я приехал в этот город после окончания ГИТИСа в июле 1978 года. Вышел с раннего поезда – народу никого. Тишина, чистота, а внизу озеро блестит»; «Валентина Андриановна Трипецкая приехала в Петрозаводск по распределению из Ленинградского техникума пищевой промышленности в 1952 году. Молодого специалиста поразили деревянные здания и тротуары в столице республики. Старое здание завода тоже было деревянным».

При этом требованием властей, обеспечивающим своего рода доказательство городского статуса, было строительство каменных зданий в центре Петрозаводска, который описывается, как и в случае с заводом, с использованием антропоморфной метафоры в материально-физиологическом контексте. Так, на набережной, изначально воспринимаемой как

«сам[ая] глав[ая] улиц[а]», «строили самые красивые и основательные дома. Это было лицо города. В свое время власти просто не разрешали возводить здесь деревянные постройки – дома должны были быть

обязательно каменными»; «После войны новым озерным фасадом города стала улица Пушкинская <...>. Лицо города должны были украшать достойные здания Национальной библиотеки, филиала Академии наук, Дома физкультуры».

В последнем примере стоит обратить внимание на перечень объектов, призванных подчеркнуть культурную суть карельской столицы.

Примером удовлетворения потребности в повышении статуса Петрозаводска и республики в целом может служить также оформление центра города и строительство нового здания вокзала в послевоенные годы:

«Карело-Финской ССР, шестнадцатой сестре в хороводе союзных республик, было необходимо подтверждение статуса, в частности, в оформлении центра столицы и ее главных ворот. Старое деревянное здание вокзала на улице Шотмана, там, где сейчас конечная остановка троллейбуса № 6, построенное в стиле пролетарского классицизма, не соответствовало значению Петрозаводска».

В проекте подчеркиваются персональные заслуги в благоустройстве города и появлении на его карте важных городских объектов Марка Пименова, Эдварда Гюллинга, Ивана Сенькина и Дмитрия Масленникова, однако отмечается, что Петрозаводск обретает облик настоящей, столичного города, то есть становится современным, каменным и многоэтажным, при Павле Сепсякове. Благодаря ему появляются

«три десятка школ и больше сотни детсадов, тысячи домов и целая железная дорога»; «в районе Октябрьского проспекта, где люди выращивали картошку» строятся современные многоэтажки; при нем появляется «первый настоящий генплан», обеспечивавший планомерность застройки в течение двух десятков лет после его ухода. Кроме того, подчеркивается, что «многие идеи для благоустройства <...> Павел заимствовал в Европе, куда ездил с официальными визитами». Так, например, «в Германии Сепсякову понравились небольшие мостики, перекинутые в парке через реку. Скоро такие же появились в пойме Лососинки».

Стоит отметить, что для повышения статуса города в проекте неоднократно подчеркивается не только формальное положение Петрозаводска как республиканского центра, но и его лидерство в разных сферах:

«Первая железная дорога в России появилась именно в Петрозаводске – между цехами Александровского завода, при Чарльзе Гаскойне»; в 1999 году «в Петрозаводске проходит первый Фолк-марафон, организатором которого стали Myllärit. <...> На целое десятилетие Петрозаводск становится столицей фолка в стране»; «...Петрозаводск в последние годы (стал. – Т. В.) главным в России центром строительства исторических судов»; «В Петрозаводске по решению горисполкома <...> решили создать учебно-производственный комбинат (УПК) – один из первых в СССР» и др.

Несмотря на изначальное преобладание промышленного колорита, уже начиная с дореволюционного периода городу присущи такие характеристики, как «интеллигентность» и «культурность», ставшие в настоящем доминирующими:

«В царские времена в России проводилось исследование, и звание самого интеллигентного города получил Петрозаводск»; «...в небольшом городке, который столько раз пытались разжаловать из губернских, в зале дворянского собрания ставились пьесы, давались блестящие концерты» (см. также отдельные репортажи, посвященные Национальному и Музыкальному театрам).

В данном контексте можно упомянуть и об одной из целей визитов в карельскую столицу: «Многие в Петрозаводск приезжали за книгами. <...> Первым делом с поезда все бежали в магазин покупать книги, сумками их увозили».

Как в прошлом завод, являвшийся одной из важнейших точек на карте города, с которой, собственно, и связана урбанистическая тема, придавал ему промышленный колорит, так сегодня университет обеспечивает ему статус образовательного и научного центра, средоточия интеллигентности, экстраполируемой и на республику, точки притяжения студентов не только из разных регионов России – «от Калининграда до Чукотки», но из разных стран:

«Университет <...> дает нашему городу и республике в целом серьезное понимание того, что мы интеллигентная республика, интеллигентный город. <...> Петрозаводск – город, в котором много студентов, в котором высшее образование – не пустой звук, в котором наука продолжает существовать»; «Сейчас, мне видится, мы тоже можем претендовать на такого рода звание (звание самого интеллигентного города в России. – Т. Б.)».

При этом если завод уподоблялся сердцу города, то образ университета создается уже с помощью идейно-личностной антропоморфной метафоры: «Хочется сказать, что это сердце, но я скажу, что это ум нашей республики».

Как отмечает И. А. Разумова, изначально образу Петрозаводска была свойственна некоторая «холодность», связанная с обстоятельствами рождения города из завода и изначальным составом его населения, включающим прежде всего чиновничество и рабочих, что нашло отражение в литературных и устных текстах, зафиксировавших уважительно-холодное отношение к городу, исключаящее в некоторых случаях любовь [17: 327]. Что касается материалов проекта, то эта характеристика нивелируется, и образ города обретает притягательность прежде всего за счет располагающихся на его территории культурных объектов, вызывающих эмоционально теплое отношение: «...каждый из них (архитекторов и историков. – Т. Б.) признался,

что относится к этому месту (набережной Петрозаводска. – Т. Б.) с большой любовью».

Стоит отметить, что конструирование привлекательного для молодежи с точки зрения образовательных возможностей образа города и оценка университета как «стратегическ[ого] объект[а] Карелии» соответствует одной из задач проекта, обусловленной проблемой депопуляции региона, и задает тон развитию республики в будущем. Создание привлекательного имиджа карельской столицы за счет акцента на уникальные достопримечательности ориентировано прежде всего на туристов, поскольку развитие туристической отрасли расценивается авторами проекта как залог успешного развития города и республики в целом. Как справедливо отмечают И. Г. Лиман и Е. Н. Шестакова, в данном случае «происходит формирование даже не символов, а брендов Карелии», что в дальнейшем обеспечивает дополнительные коммерческие возможности их использования [13: 320].

Отмечаемая И. А. Разумовой наделенность Петрозаводска чертами природности [17: 324] находит концентрированное выражение в представлении о карельской столице как о городе у воды. Оно же является природной ландшафтной доминантой, и в проекте подчеркивается, что именно озеру Петрозаводск обязан своим существованием. Особое прибрежное расположение помещает город в узкую категории схожих по данному признаку объектов, что подчеркивает его своеобразие:

«Петрозаводск – один из немногих городов в России, “кучковавшийся” на нижней горизонтали, вдоль береговой полосы Онежского озера. <...>. Наш город не прирастал вверх и вглубь, а растягивался вдоль. За какие-нибудь 300 метров от берега Онежского озера начиналась настоящая тайга».

Открывавшаяся взгляду перспектива на озеро обеспечивала, с точки зрения авторов проекта, и особый образ мыслей: «...в районе набережной <...> люди работали, молились и наблюдали широкую гладь озера, приучаясь и на прочие вещи смотреть широко и свободно». Кроме того, расположение Петрозаводска у воды создавало у приезжих впечатление города-курорта: «Добрался до набережной, свернул направо. <...> И я себя чувствовал, как на курорте». Поскольку по мере своего разрастания город удалялся от воды, на момент создания проекта «тема приближения к воде» виделась как актуальная и перспективная и с архитектурной, и с экономической точки зрения. В этом были заинтересованы в том числе и зарубежные партнеры⁴. Кроме того, если говорить о колористике, то самым частотным цветом, связанным с образом Петрозавод-

ска, является зеленый, что также отсылает нас к его «природности».

Еще одна черта города, транслируемая в проекте и обеспечивающая Петрозаводску особый колорит, отличающий его от прочих периферийных городов, определяется изначальным влиянием на него Европы, близость которой оказывала воздействие на всю республику. Вообще, как отмечают исследователи, после проведения Екатериной Великой губернской реформы «каждый город становится для своей губернии <...> “окном в Европу”» [12: 27], и эта ориентация найдет впоследствии отражение в городском пространстве и в повседневной жизни петрозаводчан. Так, благодаря двуязычным вывескам и табличкам (на русском и финском языках), маркирующим объекты городского пространства, в том числе улицы и учреждения, в советский период Петрозаводск воспринимался гостями карельской столицы как «европейский город», выделявшийся на фоне «обычных городов русской глубинки». Вывески обеспечивали Петрозаводску статус «настоящей столиц[ы] национальной республики» и создавали эффект выезда за рубеж: «Мы-то к ним привыкли, а туристам казалось, что они приехали за границу». Сами по себе вывески презентуются как типичные для национальных регионов, таких как Эстония, Татарстан и Карелия, однако использование именно финского (а не карельского) языка являлось уникальной чертой города, обусловленной как отсутствием письменности на карельском языке и сложной диалектной ситуацией, так и финским влиянием в период становления государственности. Уже на этом этапе, согласно замыслам Э. Гюллинга, Петрозаводск должен был стать «витриной для западного мира», демонстрирующей превосходство советской экономической системы, то есть служить своего рода инструментом идеологической пропаганды.

Маркерами «европейскости», в частности «финск[ого] флера», обусловленного прежде всего влиянием финских иммигрантов, считались наряду с вывесками чистота, аккуратность, большое количество зеленых насаждений, воспитанность и вежливость жителей, следование правилам, вплоть до соблюдения правил дорожного движения:

«...это был чистый, зеленый, воспитанный, вежливый город»; «Туристы в советском Петрозаводске страшно удивлялись тому, что у нас люди не перебегают дорогу на красный свет, как это было заведено во многих других городах в 1960–70-х годах».

Стоит, однако, отметить, что данные характеристики упоминаются и безотносительно к финнам как проводникам культуры:

«При Сепсякове столица Карелии четыре раза получала переходящее Красное Знамя СССР за благоустройство: Петрозаводск четырежды признавался лучшим во всей стране – самым чистым городом огромного Союза».

Кроме того, финское влияние проявлялось в развитии спорта, театрального искусства, моды, в особенностях повседневной жизни города, в частности в досуговых и коммуникативных практиках: «Петрозаводск и рабочие поселки танцуют фокстрот и чарльстон, слушают джаз»; «В 1970–80-е годы финская речь звучала на улицах Петрозаводска».

Исчезновение двуязычных вывесок в 1990-е годы – одна из примет утраты «финск[ого] флера»: «Сейчас <...> “финский” Петрозаводск – это уходящая реальность, сопряженная с массовым отъездом финнов из Карелии и с процессами глобализации». Однако эта утрата не означает отказ от национального, а лишь смещение акцентов – с финского на карельский:

«Сейчас история делает очередной оборот, и вот уже речь идет о том, чтобы названия магазинов, учреждений и дорожные указатели изготавливать не только на русском, но и на карельском языках»; «Сейчас столица Карелии, мне кажется, должна обращаться к тому, что могло бы отличать ее от других городов. Пусть карельский стиль появлялся бы в городской скульптуре, в граффити, стрит-арте».

«Финскость» продолжает расцениваться как уникальная черта, но уже не в масштабах всего города, а как маркер конкретных объектов: «Вывеска (магазина на улице Дзержинского. – Т. В.) делает улицу уникальной». При этом реставрация подобных артефактов и возможный возврат Петрозаводску финского облика посредством вывесок расцениваются как «знак сохранения памяти и уважения к прежней городской культуре» и своего рода бонус гостям из Финляндии. Следует также отметить, что акцент на национальных особенностях в облике города, как финских, так и карельских, рассматривается как ресурс для развития в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, образ Петрозаводска выстраивается в проекте в большей степени с опорой на традиционные характеристики, нашедшие отражение в устных текстах и в художественной литературе. Однако некоторые черты обусловлены велением времени и не столь устойчивы. И если транслируемые в проекте надежды на возврат визуализации на финском языке выглядят с учетом геополитической обстановки весьма утопично, то акцент на карельский и севернорусский колорит предстает как вполне уместный. Кроме того, для создания притягательного имиджа Петрозаводска, способствующего развитию

его туристического потенциала, что является одной из основных целей проекта, при конструировании образа города представляется достаточно перспективным сосредоточиться на популяризации новых культурных пространств, таких, например, как «Слюдариум», а также на изна-

ночной стороне города, презентуя гостям те объекты, которые в экскурсионных программах обычно подаются под рубрикой «Неизвестный Петрозаводск». В связи с логикой развития города важным является также продвижение Петрозаводска как научно-образовательного центра.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Здесь и далее (если не указано иное) цитируются материалы проекта: 100 символов Карелии // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/category/special-projects/100-simvolov-karelii/> (дата обращения 26.11.2025).
- ² В данном случае имеет место гиперболизация статуса Карелии в XIX веке как промышленного края, поскольку в тот период его можно охарактеризовать скорее как аграрно-промысловый. Стоит отметить, что такая «плавающая» локализация завода как сердца то в «теле» города, то в «теле» края в рамках проекта призвана подчеркнуть и в случае с региональной привязкой как бы расширить роль предприятия, однако в других интернет-источниках завод практически всегда выступает как сердце Петрозаводска. В одном из материалов информагентства «Республика» за рамками данного проекта Онежский завод со ссылкой на одноименные очерки К. Паустовского называется сердцем города: «Индустриальный город, чьё сердце воплотилось в заводе – таким Петрозаводск предстал перед советским читателем» (Бутенева Д. Онежский завод Константина Паустовского // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/promo/onezhskij-zavod-konstantina-paustovskogo/> (дата обращения 26.11.2025)). Метафора сердца, вложенная в уста старого инженера, мечтавшего о реконструкции завода в период индустриализации, действительно встречается в произведении: «Несколько лет завод был на шаг от гибели. Мы превратились в фельдшер. Он умирал, и все наши силы были направлены к тому, чтобы не дать остановиться сердцу», однако здесь прием антропоморфизации работает не в отношении города, а применительно к заводу, притом что планы инженера относительно будущего предприятия, если судить по первому очерку в этой серии, были гораздо амбициознее и связывались с жизнью республики и даже страны (Паустовский К. Г. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Пьесы, очерки, статьи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://traumlibrary.ru/book/paustovskiy-ss06-06/paustovskiy-ss06-06.html#s002001004> (дата обращения 26.11.2025)).
- ³ Здесь стоит отметить, что через три недели после выпуска репортажа белорусский холдинг «Амкодор», специализирующийся на производстве дорожно-строительной и лесозаготовительной техники, начал свою работу на второй площадке Онежского тракторного завода («Амкодор» обещает собрать первую лесозаготовительную машину в Петрозаводске уже в мае // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/amkodor-obeshhaet-sobrat-pervuyu-lesozagotovitelnuyu-mashinu-v-petrozavodske-uzhe-v-mae/> (дата обращения 26.11.2025)). Причем интересно (хотя это и отмечается за рамками проекта, в том числе и после выхода репортажей), что на современном этапе «промышленное» сердце города вступает в конкуренцию с «культурным», поскольку площадки завода становятся своего рода арт-пространством (см., например, Михайлова А. Сердце города: музей недавней истории появится в Петрозаводске этим летом // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/culture/serdtse-goroda-muzej-nedavnej-istorii-rojavitsya-v-petrozavodske-etim-letom/> (дата обращения 26.11.2025); Гриневич А. «Заводь. Искусство на заводе»: в Петрозаводске пройдет экспериментальный фестиваль, соединяющий и производство, и его интерпретацию в культуре // Республика: информационно-аналитический портал Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rk.karelia.ru/social/culture/zavod-iskusstvo-na-zavode-v-petrozavodske-projdet-eksperimentalnyj-festival-soedinyayushhij-i-proizvodstvo-i-ego-interpretatsiyu-v-kulture/> (дата обращения 26.11.2025) и др.). Возможно, авторы проекта не сосредотачивают внимание на этой тенденции в силу того, что подобная перспектива развития карельской столицы вызывает неоднозначную общественную реакцию, поскольку утрата Петрозаводском промышленного статуса делает его будущее в глазах горожан достаточно неопределенным.
- ⁴ Сейчас данная идея создания комфортной среды реализована, в частности, в жилом комплексе «Талоярви».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдрашитова М. О. Особенности репрезентации образа Томска как фрагмента субкультурной картины мира горожанина в современном фольклорном дискурсе // Вестник науки Сибири. 2015. № 1 (16). С. 46–54.
2. Алисов Д. А., Гефнер О. В., Золотова Т. Н., Хилько Н. Ф. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма. М., 2019. 98 с.
3. Антропология города. Вып. 2. Северный город: культурное пространство и идентичность в арктических и субарктических городах / Под ред. Ю. П. Шабаева, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.; Сыктывкар, 2020. 218 с.
4. Бабурина Е. А., Митин И. И., Михайлов А. А., Хазиахметова Д. Д. В поисках локальной идентичности Басманного района Москвы: от неуловимого к множественному // Городские исследования и практики. 2024. Т. 9, № 1. С. 34–54. DOI: 10.17323/usp91202434-54

5. Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Клиценко М. В., Ламашева Ю. А., Лебедева М. М., Леонтьева Э. О., Малкова Н. Ю., Украинский В. Н., Ярулин И. Ф., Ячин С. Е. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 2. С. 46–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59
6. Бодрова О. А. «С потрясающим видом на озеро, горы и город»: к вопросу о нейминге и территориальном брендинге // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 4. С. 52–60. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.004
7. Волосникова Е. А. Северный город: жизнедеятельность социальных общностей. Екатеринбург, 2010. 244 с.
8. Давыдова А. С. Сакральное и профанное в пространстве арктических городов // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. Т. 9, № 11-15. С. 24–32.
9. Джиошвили Э. А., Кривоноженко А. Ф., Литвин Ю. В., Яловицына С. Э. Историко-культурные традиции и идентичность жителей моногородов «Карельской Арктики»: Сегежа и Костомукша // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25
10. Дранникова Н. В., Разумова И. А. Образ Архангельска в современном фольклоре // Живая старина. 2011. № 1. С. 34–37.
11. Змеева О. В. Оленегорск в истории и памяти жителей // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. Т. 2, № 9. С. 5–18.
12. Клубкова Т. В., Клубков П. А. Русский провинциальный город и стереотипы провинциальности // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 20–30.
13. Лиман И. Г., Шестакова Е. Н. Проект «100 символов Карелии» // Альманах североевропейских и балтийских исследований: Международный научный электронный журнал. 2021. Вып. 6. С. 316–322. DOI: 10.15393/j103.art.2021.1821 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nbsr.petsu.ru/journal/article.php?id=1821&ysclid=mlgj19ха6с469164731> (дата обращения 26.11.2025).
14. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 30–45.
15. Митин И. И. Город как палимпсест: от историко-географической метафоры к семиотической модели территориального управления // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. Т. 49, № 1. С. 108–125. DOI: 10.31249/chel/2022.01.06
16. Митин И. И. На пути к воображаемой географии: два поворота, три пространства // Топос. 2011. № 1. С. 62–73.
17. Разумова И. А. «...Как близко от Петербурга, но как далеко»: Петрозаводск в литературных и устных текстах XIX–XX вв. // Русская провинция: миф – текст – реальность. М.; СПб., 2000. С. 324–334.
18. Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. Социально-антропологические очерки. СПб., 2009. 160 с.
19. Стась И. Н. Сургут: образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 18–27.
20. Шаббаев Ю. П., Поляков Ю. В., Шарапов В. Э. Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4. С. 124–166.
21. Mueller A., Schade M. Symbols and place identity: A semiotic approach to internal place branding – case study Bremen (Germany) // Journal of Place Management and Development. 2012. Vol. 5, № 1. P. 81–92. DOI: 10.1108/17538331211209068

Поступила в редакцию 28.11.2025; принята к публикации 16.01.2026

Original article

Tatiana V. Bauer, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-6572-2758; taty-lis@yandex.ru

PETROZAVODSK IN THE PROJECT “100 SYMBOLS OF KARELIA”: IMAGE CONSTRUCTION AND REPRESENTATION

Abstract. The article aims to identify stable verbal-semantic formations associated with the Karelian capital in the materials of the project “100 Symbols of Karelia” in order to recreate the image of the city of Petrozavodsk. The relevance of the study stems from an attempt to understand the problems associated with constructing the image of the capital of Karelia in public space and the formation of a local identity, which will help identify promising areas for the development of Petrozavodsk. The city is viewed as a sociocultural construct created not only by the media but also by representatives of various segments of the regional community. Spatial identification and representation of the image of Petrozavodsk is shown to occupy a prominent place in the project. The image of the city conveyed through the project can be characterized as conventional. It is based on several key semiotic collisions and characteristics, such as “capital (regional center) / province”, “city / village”, “culture / nature”; as well as northern restraint in architectural solutions,

intimacy, density of the communicative field, purity, “Europeanness”, in particular, the Finnish “flare”, etc. It is noted that in the project the image of the city is shown in its dynamics, and the contrast between the images of the city in the past and in the present is primarily built along the vectors of “industrial – cultural”, as well as “village – real modern city”. In connection with the task of territory branding, the project emphasizes the unique features of the city and its leading role in various fields. The conclusions outline specific prospects for developing an attractive image for Petrozavodsk, contributing to the development of its tourism potential, with an emphasis on Karelian and northern Russian flavors, as well as the popularization of new cultural spaces and the city’s “underside”. The logic of the city’s development also suggests the importance of promoting the image of Petrozavodsk as a scientific and educational center.

Key words: urban anthropology, city image, Petrozavodsk, local identity, territorial branding

Acknowledgements. The research was funded from the federal budget as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Bauer, T. V. Petrozavodsk in the project “100 Symbols of Karelia”: image construction and representation. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(2):38–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1278

REFERENCES

1. Abdrashitova, M. O. Features of the representation of the image of Tomsk as a fragment of the subcultural world picture of a city dweller in modern folklore discourse. *Vestnik nauki Sibiri*. 2015;1(16):46–54. (In Russ.)
2. Alisov, D. A., Gefner, O. V., Zolotova, T. N., Khilko, N. F. Cultural landscapes of a Soviet city: Siberian cities of late socialism. Moscow, 2019. 98 p. (In Russ.)
3. Anthropology of the city. Issue 2. Northern city: cultural space and identity in Arctic and Subarctic cities. (Yu. P. Shabayev, I. L. Zherebtsov, M. A. Omarov, Eds.). Moscow; Syktyvkar, 2020. 218 p. (In Russ.)
4. Baburina, E. A., Mitin, I. I., Mikhaylov, A. A., Khaziakhmetova, D. D. In search of local identity of Basmany District in Moscow: from the elusive towards the multiple. *Urban Studies and Practices*. 2024;9(1):34–54. DOI: 10.17323/usp91202434-54 (In Russ.)
5. Blyakher, L. E., Dem’yanenko, A. N., Kireev, A. A., Klitsenko, M. V., Lamasheva, Yu. A., Lebedeva, M. M., Leont’eva, E. O., Malkova, N. Yu., Ukrainskij, V. N., Yarul’lin, I. F., Yachin, S. E. “Spatial turn” and its interpretation in Russian science and institutional practice. *Oikumena. Regional Researches*. 2021;2:46–59. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-2/46-59 (In Russ.)
6. Bodrova, O. A. “Great views of lake, mountains and town”: on the naming and territorial branding. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS. Series: Natural Sciences and Humanities*. 2023;2(4):52–60. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.4.004 (In Russ.)
7. Volosnikova, E. A. Northern city: life of social communities. Ekaterinburg, 2010. 244 p. (In Russ.)
8. Davydova, A. S. Sacral and the profane elements in the space of Arctic towns. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*. 2018;9(11-15):24–32. (In Russ.)
9. Dzhioshvili, E. A., Krivonozhenko, A. F., Litvin, Yu. V., Yalovitsyna, S. E. Cultural traditions and identity of single industry towns’ residents in the “Karelian Arctic”: Segezha and Kostomuksha. *Herald of Anthropology*. 2023;3:7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2023-3/7-25 (In Russ.)
10. Drannikova, N. V., Razumova, I. A. The image of Arkhangelsk in modern folklore. *Zhivaya starina*. 2011;1:34–37. (In Russ.)
11. Zmeeva, O. V. The town Olenegorsk in history and memory. *Transactions of the Kola Science Centre of RAS*. 2012;2(9):5–18. (In Russ.)
12. Klubkova, T. V., Klubkov, P. A. The Russian provincial town and stereotypes of provinciality. *Russian province: myth – text – reality*. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 20–30. (In Russ.)
13. Liman, I. G., Shestakova, E. N. The project “100 Symbols of Karelia”. *Nordic and Baltic Studies Review*. 2021;6:316–322. DOI: 10.15393/j103.art.2021.1821. Available at: <https://nbsr.petsru.ru/journal/article.php?id=1821&ysclid=mlgj19xa6c469164731> (accessed 26.11.2025). (In Russ.)
14. Lotman, Yu. M. The symbolism of Saint Petersburg and the problems of the city’s semiotics. *Works on sign systems*. Issue 18. Tartu, 1984. P. 30–45. (In Russ.)
15. Mitin, I. I. City as palimpsest: from a metaphor within historical geography towards a semiotic model of place management. *Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2022;49(1):108–125. DOI: 10.31249/chel/2022.01.06 (In Russ.)
16. Mitin, I. I. Towards imaginary geography: two turns, three spaces. *Topos*. 2011;1:62–73. (In Russ.)
17. Razumova, I. A. “...How close to Saint Petersburg, but how far”: Petrozavodsk in literary and oral texts of the XIX and XX centuries. *Russian province: myth – text – reality*. Moscow; St. Petersburg, 2000. P. 324–334. (In Russ.)
18. Razumova, I. A. Cultural landscapes of the Kola North: cities near the “Big Water” and the Khibiny. Social and anthropological essays. St. Petersburg, 2009. 160 p. (In Russ.)
19. Stas’, I. N. Surgut: images and spaces of the “oil city”. *Kul’turnaya i gumanitarnaya geografiya*. 2013;2(1):18–27. (In Russ.)
20. Shabaev, Yu. P., Poliakov, Yu. V., Sharapov, V. E. Symbolic spaces of a modern Russian northern city in the context of urban anthropology. *Human. Culture. Education*. 2021;4:124–166. (In Russ.)
21. Mueller, A., Schade, M. Symbols and place identity: A semiotic approach to internal place branding – case study Bremen (Germany). *Journal of Place Management and Development*. 2012;5(1):81–92. DOI: 10.1108/17538331211209068

Received: 28 November 2025; accepted: 16 January 2026